

Глава 1. Малец

Раздался глухой стук: тук, тук, тук.

Вэйшэн, точивший у колодца тесак, на мгновение замер. Решив, что померещилось, он сплюнул на землю и снова взялся за брусок, но мгновение спустя стук повторился. Сомнений не оставалось — колотили именно в его калитку.

Неужто солнце сегодня взошло на западе, раз к нему пожаловали гости? Вэйшэн распахнул дверь и так и обомлел: прямо перед ним стояло нечто с залитым кровью лицом.

— Мать твоя кошка! — вырвалось у него.

Отшатнувшись, он в три прыжка оказался у колодца и судорожно перехватил тесак.

— Стой где стоишь! Не подходи!

Незванный гость неловко провел ладонью по щеке. Он глухо застонал, когда края раны разошлись. Он замер на пороге, явно чувствуя себя не в своей тарелке, и хрипло спросил:

— Лекарство есть?

Вэйшэн опешил. До него не сразу дошло, что пришельцу нужна обычная мазь от порезов. Самому ему, промышлявшему заготовкой дров в лесу, к подобным ссщинам было не привыкать, так что снадобья в доме хватало.

— Ты вообще кто такой?

Гость долго молчал, словно собираясь с силами, прежде чем выговорить:

— Сосед твой.

Голос показался Вэйшэну смутно знакомым. Секунда — и в голове у него прояснилось. Да ведь это же Ли Дун, племянник мясника Ли!

У мясника Ли первенец помер еще во младенчестве. Как раз тогда преставился его старший брат, оставив сироту, и мясник забрал мальчишку к себе. Растил несколько лет, а потом случилось чудо: Жене Ли перевалило за пятьдесят, а она возьми да понеси, да еще и разродилась благополучно здоровым малым. Стоило родному сынку подрасти, как приемыш Ли Дун мгновенно превратился в лишний рот. Вэйшэн жил неподалеку и чуть ли не каждое утро просыпался под визгливую брань сварливой тетки, честившей сироту на чем свет стоит. Уши от

них вяли, честное слово.

По его нынешнему виду несложно было догадаться: тетка, видать, совсем озверела и спихнула парня с обрыва. Да только не подрассчитала, что недоносок окажется на редкость живучим и притащится обратно.

— А дядька твой с теткой где?

— Померли.

Вэйшэн опешил, а когда до него дошел смысл сказанного, чуть не расхохотался в голос.

Так вот почему вчера посреди ночи баба так истошно визжала! Оно и неудивительно: проснуться в глухую темень и увидеть перед собой окровавленную рожу покойника, которого ты саморучно на тот свет отправила — тут у любого грешника сердце лопнет от страха.

На душе у Вэйшэна сделалось на редкость весело. Окинув парня оценивающим взглядом, он буркнул:

— Дело нешуточное. Пойду гляну, что там у вас.

«Ли Дун» промолчал и покорно поплелся следом.

Вэйшэн переступил порог соседского дома и сразу наткнулся на два окоченевших тела. Он присел, пощупал шеи — оба холодные, как лед, отошли бесповоротно. Лица супругов застыли в гримасах такого искаженного ужаса, а вылупленные глаза так комично пялились в потолок, что Вэйшэн не выдержал и хмыкнул.

Однако веселье его быстро улетучилось.

И куда теперь девать этого приемыша?

Да ладно приемыш — из глубины комнаты, из маленькой колыбели, донеслось тихое сопение. Вэйшэн заглянул туда. На лоскутном одеяле безмятежно спал новорожденный сынишка мясника — сущий щенок, на губах которого еще не обсохло молоко.

Мысли в голове Вэйшэна завертелись вихрем. Он уже проклял тот час, когда решил сунуть нос в чужие дела.

В этот момент «Ли Дун» негромко произнес:

— Дай мне лекарство. Я заплачу.

Вэйшэн перевел взгляд с него на спящего младенца. Поразмыслив секунду, он решительно сгреб сверток с пищущим кульком в охапку и скомандовал:

— Иди за мной.

Вернувшись к себе, он бесцеремонно опустил младенца на лавку, вышел во двор и достал из колодца ведро свежей воды.

— На, обмойся пока, — буркнул он соседу, а сам ушел в дом за целебным снадобьем.

Когда Вэйшэн вернулся, «Ли Дун» уже сидел на корточках, осторожно стирая влажной тряпичей запекшуюся кровь. Из-под грязи проступили глубокие багровые расселины, изуродовавшие лоб и щеку. Зрелище было не для слабонервных.

Вэйшэн откупорил глиняный горшочек и протянул парню:

— Держи.

«Ли Дун» едва слышно поблагодарил. Аккуратно, слой за слоем, он принялся втирать пахучую зеленую кашу в израненное лицо, а затем перешел на ссадины и синяки, которыми были густо усыпаны руки и ноги. Когда он закончил, от запасов Вэйшэна не осталось и следа.

Сам же хозяин дома все это время лихорадочно соображал, как бы половчее избавиться от неожиданной обузы. План никак не складывался.

Тут «Ли Дун» поднялся и подошел ближе:

— Спасибо за помощь.

Вэйшэну этот вежливый тон показался на редкость диким. Он лишь неопределенно хмыкнул в ответ.

— Позволь узнать, где мы находимся? — снова заговорил гость.

Смутное подозрение укрепилось в душе Вэйшэна окончательно. Он уставился на парня в упор:

— Ты что, совсем мозги отшиб, пока с кручи летел?

— Имя-то свое хоть помнишь?

Пришелец покачал головой. На самом деле он прекрасно помнил, кто он, да только понятия не имел, как звали прежнего хозяина этой плоти.

— Понятно, точно головой приложился, — вздохнул Вэйшэн. — Звать тебя Ли Дун. Дун — который «восток». А я твой сосед, Вэйшэн.

— Вэйшэн? — раненый едва заметно вздрогнул.

«Откуда у простого деревенщины столь благородное имя?»

Вэйшэн умел читать людей как открытую книгу. Уловив эту мимолетную перемену, он окончательно убедился: перед ним не прежний забитый парень, а зрелый, умудренный опытом человек.

— И кто же ты у нас такой? — прищурился он, кладя руку на рукоять тесака. — Уж не оборотень ли лисий в чужую шкуру залез?

«Ли Дун» долго хранил молчание, а затем тихо произнес:

— Мое имя — Цан Доушань.

«Когда-то я был первым учеником Врат Сердца в великой секте Сихэ — сильнейшей обители Поднебесной. Да только все это осталось в прошлой жизни».

— А, так ты у нас из приبلудных призраков, — ухмыльнулся Вэйшэн, качнув головой. — Ну и везучий же ты сукин сын, надо признать.

— И что теперь делать думаешь? На родину потянет? — Вэйшэн уже все для себя решил. Скажет этот мертвяк, что уходит, или решит остаться — младенца он заберет с собой. Хватит с него благотворительности.

Цан Доушань вместо ответа спросил:

— Тебе знакомо название «Секта Сихэ»?

«Что еще за чертовщина?» — подумал Вэйшэн, но вслух ответил вполне миролюбиво:

— Впервые слышу. Сходи к сельскому старосте Ли, может, он чего знает.

— Проводи меня, — сухо потребовал Цан Доушань.

Тут уж Вэйшэн не выдержал и вскипел:

— Ты, часом, берега не попутал, пришелец хренов?! Это ты так благодаришь за лекарство? Мне плевать, каким важным господином ты был в своей прошлой жизни, сейчас ты гол как сокол и звать тебя никак. Так что засунь свое величие поглубже и не смей со мной так разговаривать!

Цан Доушаню за всю его благочестивую жизнь лишь учитель читал нотации, а тут какой-то деревенщина отчихвостил его на чем свет стоит. На душе стало горько и тоскливо. Но деваться было некуда: ни прежней силы, ни единого медного гроша за пазухой, да еще и судьба секты покрыта мраком. Пришлось умерить гордыню и смиренно склонить голову.

Выпустив пар, Вэйшэн посмотрел на поникшего парня, чье лицо все еще было покрыто свежими рубцами, и в груди шевельнулась невольная жалость. Сменив гнев на милость, он проворчал:

— Ладно, пошли. Доведу тебя до дома старосты, а дальше сам выпутывайся.

В деревне Байшуй почти каждый второй носил фамилию Ли, так что староста предсказуемо был старейшиной этого многочисленного клана. Доведя спутника до резных ворот, Вэйшэн небрежно махнул рукой:

— Заходи, он у себя.

— А ты разве не пойдешь со мной?

Вэйшэн демонстративно уселся на пыльную завалинку и даже не удостоил его взглядом:

— Тебе сказано идти — значит иди. Меньше вопросов, больше дела.

Цан Доушань немного помедлил, всматриваясь в его безучастную фигуру, после чего повернулся и шагнул во двор. Крепкий слуга, дежуривший у входа, недовольно покосился на Вэйшэна, а затем преградил дорогу пришельцу:

— Чего надобно?

— Мои... дядя с теткой преставились, — тихо, но твердо ответил парень. — Пришел просить старосту помочь с погребением.

Слуга заметно смягчился.

— Что ж, дело богоугодное. Ступай за мной.

Сельский староста Ли выслушал путанный рассказ юноши, внимательно оглядел его и сокрушенно покачал головой:

— Ну и горе на твою голову, бедолага... Не убивайся так, община не оставит вас в беде. Расходы на тризну клан возьмет на себя. А касательно тебя и твоего младшего брата — я подыщу среди родичей тех, кто заберет вас в свои семьи.

Цан Доушань послушно закивал, стараясь придать лицу выражение крайней растерянности и невинности:

— Спасибо вам, староста. Только... позвольте спросить, что это за секта такая — Сихэ?

— Чего? — старик нахмурился, не понимая, к чему клонит юноша.

— Да понимаете, — затараторил парень, — как в себя пришел после падения, так в ушах словно морок какой-то стоит. Чей-то голос постоянно шепчет странные слова... Все поминает какую-то секту Сихэ да династию Юй. Вот я и подумал спросить у вас, мудрого человека. Что это за секта и где эта династия?

Сельский староста Ли погладил седую бороду, погрузившись в раздумья:

— Вот оно как... Странно все это. — Он долго всматривался в лицо юноши, силясь что-то припомнить, но в конце концов покачал головой: — Про секту твою я отродясь не слыхивал. А что до великой династии Юй... Так она сгинула без малого тысячу лет назад.

У Цан Доушаня внутри все похолодело.

Когда оборвалась его прежняя жизнь, на дворе стоял двадцать седьмой год девиза правления Жэньтун славной династии Юй. Спустя всего пять лет после его гибели империя пала, уступив место новой династии Дацзин. В Поднебесной крушение правящего дома всегда влечет за собой увядание духовных орденов, связанных с ним узами судьбы. Секта Сихэ была слишком сильна и слишком глубоко пустила корни в дела императорского двора Юй.

Судя по безразличию старосты, великая обитель канула в небытие вместе с прежними владыками империи. Надежды не оставалось.

— Наверное, пока лежал без памяти на дне ущелья, подцепил какую-нибудь неприкаянную душу из древних покойников, — резюмировал сельский староста Ли. — Ты бы ходил к монахам в уезд, пускай молитву прочитают да окурят тебя благовониями. Мало ли какую заразу из прошлого притащишь в деревню.

— Слушаюсь, дедушка. Так и сделаю, — покорно отозвался парень.

Стоило Цан Доушаню переступить порог, как ожидавший снаружи Вэйшэн тут же вскочил с завалинки, отряхивая штаны:

— Ну что? Решил староста, куда пристроить пищущего щенка?

Парень хотел было съязвить: «Все устроилось как нельзя лучше для тебя», но вовремя прикусил язык.

— Похороны сыграют за счет общины, — ровным голосом ответил он. — Младенца заберет кто-то из бездетных родичей.

Вэйшэн облегченно выдохнул. Самая обуза с плеч долой. Но вот что делать с самим Ли Дуном?

Вэйшэн никак не мог определиться. Тот факт, что в тело соседа вселился покойный чернокнижник или еще какой сильный дух, наводил на размышления. С одной стороны, раз парень сумел вернуться с того света, судьба у него явно непростая, и в будущем от него можно поиметь немалую выгоду. С другой — не выйдет ли эта дружба боком?

Когда они подошли к ветхой лачуге Вэйшэна, Цан Доушань остановился у калитки и замер, словно не решаясь войти.

— Чего встал? — хмыкнул хозяин. — Неужто ко мне приживалом проситься будешь?

— Кров я тебе предоставлю, так и быть. Но запомни: нянчиться с тобой я не нанимался. Будешь делать все, что велю. Денег за постой не возьму, но каждую крошку хлеба отработаешь сполна. Идет?

Юноша глухо хмыкнул, соглашаясь на кабальные условия.

Вэйшэн удивился такой покладистости, но решил на всякий случай нагнать страху:

— И еще кое-что. Мне в детстве гадалка по звездам предсказала, что я рожден под несчастливой звездой и приношу близким одну погибель. Видел, как деревенские от меня шарахаются? Не боишься, что и тебя на тот свет сведу раньше времени?

Цан Доушань хоть и не был великим знатоком предсказаний, но разбирался в физиогномике достаточно, чтобы понять: черты лица соседа не сулили зла окружающим. К тому же, тому, кто уже однажды умер, глупо страшиться подобных бабьих сказок.

— Не боюсь, — ответил он спокойно, а помолчав, добавил: — Ты не похож на дурного человека. Скорее всего, та гадалка была обычной шарлатанкой.

Вэйшэн лишь усмехнулся про себя. Сам-то он привык перебиваться с хлеба на воду да есть дважды в день — сомнительно, что изнеженный городской гость долго выдержит такую жизнь.

Однако Цан Доушань удивил его. Он безропотно сносил все тяготы новой жизни: послушно колол дрова, носил ведра от колодца и ни разу не пожаловался на скудную еду.

Похороны мясника и его супруги прошли скромно, на те гроши, что выделил староста. Младенца, как и было обещано, забрала к себе бездетная чета из клана Ли. Жизнь потекла своим чередом. Единственное, что всерьез беспокоило Вэйшэна — это жуткие отметины на лице его нового жильца. Будет жаль, если у парня останутся уродливые шрамы на всю жизнь.

Но Цан Доушаню везло. Спустя полмесяца жуткие корки сошли без следа, обнажив чистую, гладкую кожу. Внешность парня менялась день ото дня, обретая тонкие, благородные черты. Он преобразился до неузнаваемости. Прежний Ли Дун был невзрачным замарашкой, которого и в толпе не разглядишь, теперь же от него веяло статью истинного книжника.

«А малец-то хорошеет на глазах», — лениво подумал Вэйшэн.

Покачивая во рту зажатую зубами травинку, он наблюдал, как запыхавшийся Цан Доушань усердно пилит тяжелое бревно. Скользнув взглядом по окрестностям, Вэйшэн заметил у изгороди соседских девчонок. Те сгруппировались в кучу, о чем-то шептались и бросали на красивого юношу застенчивые, сияющие взгляды.

Вэйшэн лишь покачал головой и негромко цыкнул зубом.

<http://bllate.org/book/18329/1765841>